

Бывают дни, в которые противопоказаны любые действия, включая подъем с кровати. К сожалению, если вас зовут Гарри Поттер, каждый день вашей жизни может быть отнесен к вышеназванным.

Пока не было понятно, станет ли сегодняшний день одним из тех, которые лучше забыть, но за свою не очень длинную жизнь Гарри повидал достаточно, чтобы знать: к плохому исходу суток стоит заранее морально подготовиться.

Его угрюмые мысли и осознание того, насколько нелепой была вся сложившаяся ситуация, вызвали небольшой смехок, резво вылетевший из его рта и мгновенно привлечший внимание двух его друзей, оба из которых, вне всяких сомнений, поругали бы его за излишний цинизм, воцарившийся в мыслях, если бы, конечно, узнали о них. По крайней мере, Гермиона точно поругает – ведь Рон, скорее всего, согласится с ним, бормоча себе под нос о несправедливости жизни (с чем, в частности, будет согласен и Гарри). Но несмотря на то, что из двоих его друзей Гермиона будет более близка к правде в оценке излишней мрачности его мыслей, не стоит забывать об одной непреложной аксиоме, касающейся жизни Гарри, – иногда быть Гарри Поттером просто дерьмово.

- Гарри, я думаю, время для беззаботности пока не настало, - с укором произнесла Гермиона. И хотя ее слова были довольно тяжелыми, в ее голосе проскальзывали нотки сострадания, которые в очередной раз напомнили Гарри о том, что ему чертовски повезло иметь такую подругу.

- Прости, Гермиона, - ответил он, пытаясь – как он считал, довольно неубедительно, – казаться сокрушенным. – Смешинка в рот попала. Но если я не буду смеяться, мне придется плакать. Поэтому лучше уж я буду смеяться. Тебе так не кажется?

Ее взгляд смягчился, и в нем отчетливо проявилась нежность.

- Что ты несешь, приятель? – раздраженно бросил Рон, бегая взглядом от Гарри к Гермионе и наоборот.

- А что бы сделал ты, Рон? – пожал плечами Поттер. – Этим утром я должен идти на слушание, после которого, возможно, никогда больше не вернусь в мир магии. Повторяю: мне стоит заплакать и закатить истерику или засмеяться? Я предпочитаю второй вариант. В противном случае, я просто сойду с ума.

- Не говори так, - пробормотал Рон. – Тебя не исключат.

Гермиона была явно взволнована состоянием друга.

- Рон прав, Гарри. Дамблдор этого не допустит.

Хотя ее слова казались спокойными и уверенными, в ее голосе сквозило напряжение – зная Гермиону, несложно догадаться, что под маской храбрости сейчас скрываются обеспокоенность его неопределенностью и шатким благополучием. Он тепло посмотрел на нее, ощущая прилив нежности к Гермионе. Интересно, что же он такого хорошего сделал, чтобы заслужить настолько преданного, стойкого друга. Иногда ему казалось, что без нее он полностью сломается под давлением капризов и несправедливости этого мира.

Гермиона покраснела и опустила глаза, не выдержав его пристального взгляда, хотя все это время на ее лице красовалась полуулыбка. Гарри оглянулся на Рона и, наткнувшись на подозрительный взгляд друга, сразу же отчаянно заинтересовался полом под ногами. Гарри знал, что Рон грезит о Гермионе, и, с тех пор, как нога Гарри перешагнула порог дома на площади Гриммо, внимательно смотрит за своими друзьями, стараясь отслеживать любые признаки отношений, выходящих за рамки простой дружбы.

Рон был его лучшим другом среди парней, и ближайшим товарищем – ближе даже, чем Гермиона. Правда, в значительной степени это объяснялось их статусом соседей по комнате и тем, что они оба – мужчины. Тем не менее, Гарри подозревал, что Рон может оказаться другом «до первой беды» – он мог легко отдаться во власть случайных приступов ревности, иногда проявляя собственничество в дружбе с Гарри и Гермионой.

Но, из справедливости к Рону, нельзя не признать, что жить в тени Мальчика-Который-Выжил не так уж просто. Иногда Рона буквально душило звание лучшего друга Гарри Поттера – гораздо больше, чем статус младшего брата некоторых особенных чародеев – ему бы в большей степени хотелось быть известным благодаря самому себе. Но все же, хоть у Рона, как и у любого другого человека, были свои недостатки, в целом он был хорошим другом и верным напарником, и, конечно же, его невозможно было обвинить в трусости. Все те разы, когда он безропотно следовал за Гарри, – начиная от инцидента с Философским камнем на первом курсе и заканчивая походом в логово акромантулов и Тайную комнату на втором – Рон оставался стойким и надежным другом, незаменимым сообщником в их приключениях.

Тем не менее, Гарри знал, что в отношении Гермионы у них с Роном могут возникнуть серьезные разногласия, стоит только Поттеру решить, что близкая подруга по-настоящему ему нравится. Гарри понимал, в отличие от Рона, что Уизли будет рассматривать Гермиону как свою территорию из-за того, что первый проявил заинтересованность к их общей подруге – но дело в том, что в действительности он не выражал интереса к девушке, предпочитая рассматривать возможные вопросы в уме. По сути, это не было его ошибкой, но в противостоянии с Гарри он с большей вероятностью проиграл бы – Гарри вполне мог так рассуждать, поскольку имел некие представления о складе мышления Рона.

Но чувства самого Гарри к его лучшей подруге были до сих пор запутаны и непонятны, и оставались бы таковыми, даже если бы он предпринял попытку разобраться в них (чего он, конечно же, не делал). Но он точно знал, что ставит Гермиону выше, чем кого-либо из знакомых; она была его истинным другом – единственной, кто стоял за ним горой во всех ситуациях и происшествиях, которые случились с Гарри в магическом мире, единственной, на кого всегда можно было и можно будет положиться. Даже Рон не стал бы этого отрицать.

Возможно, то, что Гарри не был в состоянии расшифровать собственные чувства, само по себе

неудивительно (да здравствует воспитание, подаренное семейством Дурслей). В то время, как Гермиона выросла из простой лохматой девчонки в довольно привлекательную девушку, он до конца не мог понять истинную природу своих чувств, будучи настолько плохо подготовленным к их оценке. А понять ее отношение было еще сложнее, хотя после приезда Гарри она украдкой поглядывала на своего друга, когда думала, что он не замечает – за мгновение до этого всегда покрываясь румянцем – Гарри на его неопытный взгляд казалось, что он не единственный, кто пытается определить статус их нынешних отношений.

Но опять же, зная, что совсем недавно из его крови воскрес настоящий безумец, мог ли он предложить Гермионе стать больше, чем просто друзьями, открыто заявив о своих чувствах?

Гарри фыркнул, представив, какую взбучку она ему устроит, если ей когда-нибудь станет известно о его мыслях. Она несомненно оценит его готовность и решимость защищать ее, но не станет дружелюбно принимать тот факт, что он все решил за них обоих без ее ведома и согласия. Гарри хорошо представлял ее возмущение, учитывая, что он рассуждал о них. Хотя этот вопрос никогда не поднимался, он думал, что достаточно изучил Гермиону и может предсказать ее реакцию – ведь Гарри знает, как сильно она верит в то, что иногда стоит рискнуть, чтобы стать по-настоящему счастливым.

- Гарри, - нерешительный голос вытянул его из омута размышлений. – Ты в порядке?

Его взгляд сфокусировался на друзьях, наткнувшись на два заинтересованных взгляда, украшавшие их лица. Он внезапно понял, что некоторое время стоял молча.

- Тебе не стоит волноваться, Гарри, - сказал Рон с призрачной уверенностью в голосе. – Дамблдор обо всем позаботится, вот увидишь.

- Спасибо, Рон. Надеюсь, ты прав. Я стараюсь мыслить позитивно, но иногда это трудно мне дается. Фадж ищет пути расправиться со мной еще с Турнира трех волшебников – кажется, у него наконец-то появился шанс.

Взглянув на друзей, Гарри поймал обнадеживающие выражения их лиц. Он вздохнул, зная, что чрезмерно пессимистичный взгляд на жизнь не принесет ничего хорошего ни ему, ни его друзьям. Пришло время отпустить свои волнения и заботы, и дать произойти тому, что должно произойти.

Но, что бы ни случилось, Фадж просто так не добьется успеха в своем плане по дискредитации и удалению Гарри из волшебного мира – Гарри пообещал себе, что будет бороться до конца. Если Корнелиус хочет изгнать его, он обязательно получит ответный удар. За пятнадцать лет своей жизни он усвоил один немаловажный урок: никогда не поворачивайся спиной к своим обидчикам. И Фадж как раз был таким обидчиком.

Несколько мгновений спустя в фойе старого и обветшалого дома появился Мистер Уизли – время пришло. Кивнув ему, Гарри попрощался с друзьями, запоминая озабоченно нахмуренную Гермиону и попытки Рона выглядеть храбрым и абсолютно не расстроенным. Он

поблагодарил их обоих за дружбу, которую он имел счастье познать, и пообещал встретиться, когда вся эта история закончится. Сейчас же он был крепко связан Министерством и ожиданием того, как сложится его судьба дальше.

Позже Гарри сможет сказать лишь то, что не запомнил большую часть своего путешествия по Министерству в тот роковой день. Он смутно помнил, как спускался вниз по ступенькам старого дома к машине, ожидавшей парня перед выходом; смутно помнил, как садился в вышеупомнутый автомобиль; но с момента, когда машина тронулась, и до момента, когда их привезли к старой телефонной будке, оказавшейся входом в Министерство, он вообще ничего не помнил. И если бы в тот момент он мог ясно осознавать происходящее, он обязательно задался бы вопросом, почему они выбрали именно такой путь прибытия на сегодняшнее испытание, минуя Каминную сеть. Позже ему объяснили, что, хотя для Мистера Уизли, как для работника Министерства, был доступен способ перемещения с использованием Летучего пороха, проход через телефонную будку был стандартной процедурой для всех посетителей. Это, и желание избавить Гарри от путешествия по столь нелюбимой им Каминной сети побудило Мистера Уизли воспользоваться более длинным путем. Поездка в машине также позволила дать Гарри собрать воедино частицы разрозненных мыслей – сделать то, чего он не мог сделать весь этот день.

Его голова была занята мыслями о том, что может произойти, а подсознание лихорадочно прокручивало все возможные сценарии того, что может сотворить с ним всеобщее осуждение, мнимое или реальное. И хотя Гарри все утро мрачно размышлял о том, в какую проблему он вляпался, - не только с момента его появления в волшебном мире, но и с момента его появления на белый свет, - он поймал себя на мысли, что думает о себе – определяет себя – исключительно в статусе волшебника. И сейчас, под угрозой быть насильно отстраненным и впоследствии лишенным возможности сделать хоть что-нибудь волшебное, он четко понял, что не хочет покидать этот мир, несмотря на все проблемы или опасности, которые этот мир перед ним ставил. Это мир был его жизнью – и он хотел лишь одного: чтобы ему позволили жить дальше.

Кроме того, он не мог оставить Рона и Гермиону – их дружба и доверие значили для него слишком много, чтобы покинуть их в реальности, в которой постепенно начинает заново обретать силу негодяй, страдающий манией величия. Волан-де-Морт посчитал целью всей своей жизни уничтожение Гарри, и для Гарри это означало, что темный волшебник увидел в нем реальную угрозу для себя. И если Гарри действительно представляет для него угрозу, он сделает все, чтобы стать огромной занозой в деле Темного Лорда. Это, в свою очередь, укрепило его решение встретить Фаджа с поднятой головой и бросить ему вызов – он не позволит себе сдаться раньше Министра. Нет, Корнелиус не найдет послушного ребенка в теле Гарри Поттера.

Этим мыслям не следовало останавливать своего хода, но поездка по улицам Лондона оказалась слишком короткой, они прибыли к Министерству и вскоре оказались внутри, пройдя через столь неортодоксальный вход.

К несчастью для Гарри, предпочевшему бы незаметную прогулку и появление в зале суда, Министерский атриум был переполнен в тот день: отчасти из-за того, что это был обычный

рабочий день из жизни волшебного правительства, но также и из-за того (как считал сам Гарри), что сегодняшнее судебное разбирательство несло в себе некую сенсацию. После входа Поттера в атриум уровень шума, царивший там до его появления, неожиданно снизился, и головы всех присутствующих там волшебников повернулись в его сторону, почти как одна – часть из них о чем-то перешептывалась. Затем шепот начал разрастаться, и Гарри увидел несколько жестов рук, направленных в его сторону. Ему было сложно разобраться в атмосфере, воцарившейся в атриуме – основная часть толпы, похоже, не была настроена слишком враждебно по отношению к нему, но это не значило, что она была настроена дружелюбно.

Он подозревал, что такая большая толпа появилась из-за самого характера судебного слушания. Всю прошлую неделю Гарри не прозябал в праздном ничегонеделании – он изучал информацию по своему делу (разумеется, под чутким руководством Гермионы) и хорошо знал, что ни одно разбирательство по использованию магии несовершеннолетними не проводилось в открытом судебном заседании, перед всем Визенгамотом. Это давало Фаджу огромный шанс унизить и нейтрализовать знаменитого Мальчика-Который-Выжил, выставив себя при этом единственным голосом разума и чемпионом среди прочих людей. Хотел бы Гарри увидеть, как эта сволочь рискнет пойти против Волан-де-Морта; уважаемый Министр не выстоит и нескольких секунд, прежде чем лицом к лицу встретится с абсолютным поражением или... чем-то хуже простого поражения.

Следуя за отцом лучшего друга, Гарри отправился к лестнице, которая должна была привести их на десятый уровень – непосредственно к залу заседания. Все это время щеки парня пылали из-за усиленного внимания к его персоне. Он ясно понимал, что стал большой новостью в мире волшебников, поэтому разбирательство с его участием станет приманкой для массового интереса. Он чувствовал, что ему следовало взять инициативу в свои руки и показать себя в максимально хорошем свете. Если бы он мог показать себя тем героем, каким хотят его видеть все эти люди, – особенно в свете недавнего возвращения Волан-де-Морта – настроение людей, толпившихся в атриуме, изменилось бы в более удобную для него сторону. Возможно, даже идиот Фадж смог бы стать на путь изменений. Возможно.

Ему нужен был способ не только спасти свою шкуру, но и доказать остальным верность своих слов, захватить мнение массы. Но, к сожалению, для этой цели он не может еще раз увильнуть на своей метле от жуткого дракона или заново сразиться с огромным василиском – эта битва может быть выиграна только словами. Гарри захотел, чтобы Гермиона оказалась здесь; она одна из немногих была наделена особенным «словесным» даром.

Они сошли с лестницы и направились по длинному коридору. Гарри, погруженный в свои проблемы, даже не заметил, как они его миновали. Наконец, когда они продвинулись еще ближе к судьбе Гарри, он заметил высокого, строгого мужчину, который сосредоточенно наблюдал за ними все то время, пока они шли к залу суда. Когда они были уже близко, он подошел к ним. На его лице мелькнуло любезное выражение:

- А, Мистер Поттер, я полагаю.

Хотя Гарри не был удивлен тому, что мужчина его узнал (он бы скорее удивился, если бы остался неопознанным), он все же был удивлен тому, что с ним заговорили – остальные предпочитали лишь смотреть издали и шептаться. Такое обращение вызвало неоднозначную

реакцию у юного волшебника. В этом мире было слишком много Златопустов Локонсов – людей, которые желали его узнать, преследуя собственные цели и выгоду.

Решив, что ему все же следует держаться подальше от этого странного мужчины, он осторожно ответил:

- Да. Я могу вам чем-то помочь?

- Нет, юный Гарри. Я просто подумал, что лучше я поздороваюсь с вами до того, как вы войдете в зал суда, - усмехнулся мужчина.

Гарри посмотрел мимо незнакомца на открытую дверь, маячившую в отдалении, - дверь, ведущую в зал суда номер десять. Казалось, она издевалась над ним, маня скорым разрешением судьбы парня и такой же скорой гибелью – отравляя его собственным страхом.

Отгоняя от себя незванные мысли, Гарри вновь сфокусировался на незнакомце, который до сих пор смотрел на него с выражением симпатии:

- Немного давит, не так ли?

В первый раз Гарри заметил практически неуловимый акцент в речи мужчины – акцент был довольно легким и не делал произносимые слова трудными для понимания. Он не знал этого мужчину – как и Артур, который не поздоровался с ним и все это время посматривал на нового собеседника с любопытством, – но был вдохновлен его уверенностью и излучавшейся компетентностью.

- Совсем чуть-чуть... - наконец, пробормотал Гарри.

Мужчина глубокомысленно кивнул.

- Хотя все это кажется мрачным, помните о том, что голову нужно держать прямо. Мы не можем выбирать обстоятельства, но можем выбирать свою реакцию и свое поведение в них. Иногда это оказывается более важным в долгосрочной перспективе. Наше поведение в сложной ситуации – лучший показатель нашего характера. Оно искреннее, чем наши обычные поступки в так называемой зоне комфорта. Помните об этом, когда будете стоять перед этими пижонами.

Его последние слова были сказаны с кривой ухмылкой и сопровождались указательным жестом в сторону Министра Фаджа, появившегося с дальнем конце коридора.

Благодарный добрым словам, Гарри кивнул и внимательно посмотрел на загадочного мужчину:

- Простите, сэр, я вас знаю?

- Нет, хотя о вас я наслышан, - наблюдая за лицом Гарри, он снова усмехнулся и хлопнул его по плечу. - Не думаю, что это вас удивляет, ведь так? Просто помните, что у вас есть единомышленники - люди, которые будут за вас сражаться. Не позволяйте себя запугивать и не давайте шансов попыткам изолировать вас.

Гарри снова кивнул, думая над словами, которые только что сказал ему этот странный мужчина. Он знал, что у него хорошие друзья - лучшими из которых были Рон и Гермиона. Дамблдор и остальные профессора всегда присматривали за ним, а его близкое общение с Сириусом, установившееся за столь короткий срок, было просто удивительным. Вот ради чего и кого он хотел поскорее пережить этот день и стать еще сильнее.

- Спасибо, Мистер...

- Не стоит, Гарри, - ответил он. - Уверен, в ближайшем будущем мы с вами снова увидимся, и не раз.

Гарри почувствовал, как его ладонь уверенно пожимают и встряхивают, после чего мужчина исчез, войдя в дверь сбоку от главного входа в зал суда. Поттер косо посмотрел на Мистера Уизли и заметил немного ошеломленное выражение лица Артура. Гарри покачал головой, полагая, что у мистера Уизли нет никаких идей относительно личности их нового знакомого.

Собравшись, Гарри и его сопровождающий пересекли оставшееся расстояние до входа в зал суда и остановились, прежде чем открыть дверь.

- Гарри, - начал мистер Уизли. - Ты знаешь, что мы все тебя поддерживаем. Ни о чем не волнуйся.

Поблагодарив Артура за помощь, Гарри сделал глубокий вдох и вошел в зал суда.

Он оказался в полукруглой комнате, похожей по размерам на Общую гостиную Гриффиндора. С трех сторон вдоль стен стояли скамейки, поднимаясь приблизительно на десять ярусов вверх; за его спиной, со стороны входа в зал суда, поднималась галерея. Скамейки вдоль стен были заняты членами Визенгамота, большинство из которых были пожилыми ведьмами и чародеями. И хотя настроение законодательного органа было довольно трудно считать, Гарри мог бы сказать, что многие из присутствовавших не были рады своему пребыванию в этом месте - непонятно, было ли это из-за их безразличия, неодобрения действий Фаджа или же ненависти к подсудимому. Повернувшись к двери, в которую только что вошел, Гарри посмотрел на галерею, которая была забита зеваками. Среди них он заметил нежелательное, и даже запретное, присутствие Люциуса Малфоя, который смотрел на Гарри с высокомерной ухмылкой, застывшем на холеном лице. Решив избегать отца своего самого ненавистного соперника, Гарри продолжил бродить глазами по лицам людей, стоявших в галерее, пока не наткнулся на взгляд мужчины, которого встретил перед входом в зал суда - тот радостно помахал парню. Улыбнувшись в ответ, Гарри повернулся к Министру Фаджу, который смотрел

на юного волшебника с яростью и максимально возможным презрением.

- Пожалуйста, садитесь, Мистер Поттер, - сказал он сквозь зубы, показывая на жесткое деревянное кресло, стоявшее в середине комнаты и повернутое спинкой к двери. - Мы начинаем наше судебное разбирательство.

Неожиданно разволновавшись, Гарри забегал глазами по комнате в поисках остроконечной шляпы Директора Хогwartса. Не найдя его среди членов Визенгамота, он посмотрел на Министра, который нетерпеливо осматривал «виновника» торжества.

- Простите, Министр - насколько я понимаю, Директор Дамблдор должен присутствовать здесь.

Лицо Фаджа озарилось жестокой, торжествующей улыбкой:

- Кажется, ваш Директор не счел нужным беспокоиться о делах простого ученика. В случае такого презрения, выражаемого Визенгамоту, мы продолжим рассмотрение дела в его отсутствие.

Дрожа от мстительной радости, которая буквально сочилась из довольного голоса Министра, Гарри оглянулся на дверь и затем на лицо своего союзника, который неуклонно смотрел на него, придавая юноше мужества и веры в то, что все будет хорошо. Сделав глубокий вдох, Гарри собрал в кулак всю свою решительность и сел в жесткое кресло с прямой спиной и высоко поднятой головой. Он покажет Фаджу, что не собирается поддаваться на запугивания.

Дикая улыбка сопровождала ответную реакцию Министра, когда удерживающие устройства внезапно выскочили из подлокотников и ножек кресла, связывая и обездвиживая Гарри. Корнелиус торжествующе ухмыльнулся в ответ на шок Поттера, призывая Визенгамот к порядку.

- Тишина в зале заседания! - крикнул он, стуча молотком по столу, за которым сидел.

Когда присутствующие успокоились, он оглядел зал и снова заговорил:

- Я назначил разбирательство по делу Гарри Джеймса Поттера, несовершеннолетнего волшебника, незаконно использовавшего магию, - он усмехнулся Гарри и затем продолжил. - Ответчик обвиняется в использовании магии в присутствии Маггла и в нарушении Статута о неправомерном применении магии несовершеннолетними. Истинность указанных обвинений, как и ложь, сказанная ответчиком, должны быть освещены и рассмотрены соответствующим образом.

- Так ли это, Корнелиус? - раздался голос сзади Гарри.

Гарри повернул свою голову на столько, насколько это было возможно из-за ограничений, и стал свидетелем резкого входа своего Директора, ухмыляясь взгляду Дамблдора, направленному на него. Старый мужчина, обычно похожий на дедушку, сегодня выглядел безупречно, от длинных серых одежд до длинной белой бороды, которая была расчесана и связана внизу обычной золотой цепочкой. И хотя его глаза радушно сияли, когда он смотрел на юного ответчика, Гарри мог с уверенностью сказать, что Дамблдор не был удивлен – он ровно излучал уверенность, а его взгляд на сосредоточение членов Визенгамота был не только суровым, но и в крайней степени неодобрительным.

Подойдя к стулу Гарри, он встал сбоку от него и продолжил:

- Полагаю, я не должен удивляться тому, что место и время этого... слушания было изменено без предварительного уведомления, - его резкий тон не оставил никаких сомнений по поводу его отношения к разбирательству. – Если бы я не знал вас лучше, Министр, я бы подумал, что это было сделано намеренно, чтобы лишить Мистера Поттера его законных прав на защиту перед благородным органом.

Фадж нервно моргнул, прежде чем презрительно выдохнул:

- Визенгамот вряд ли может нести ответственность за то, что вы не потрудились идти в ногу с органом, которому подчиняетесь, Дамблдор.

Подняв одну бровь, Дамблдор скучающе посмотрел на Министра, заставив его немного поерзать на своем сидении.

- Напоминание, должно быть, потерялось, Министр. Если бы в этом органе не было некоторых добросовестных членов, Мистер Поттер и я, возможно, не узнали бы об этом разбирательстве до того, как решение было бы принято. Конечно, вы бы не хотели выглядеть как Министр, который председательствовал на ошибочном судопроизводстве по одному из самых нашумевших дел.

Фадж смотрел на Альбуса, его лицо немного побледнело из-за речи Дамблдора. В зале повисла неловкая тишина, пока Визенгамот переваривал все, что не было сказано их лидером.

- Как бы то ни было, - продолжил Дамблдор, - несмотря на мое отношение к этому собранию, мы все здесь. Полагаю, мы закончим этот фарс настолько быстро, насколько возможно, и переключимся на более важные дела. И, так как я буду представлять Мистера Поттера, я уступаю трибуну вам, Министр.

Внутри Гарри все ликовало от восторга за головомойку, которую Директор только что устроил Фаджу, хоть парень всячески старался скрыть проявление каких-либо эмоций на лице. Гарри не был на сто процентов законопослушным волшебником-студентом – о, далеко не был – но он знал, что Министр отметил его для себя, отказавшись увидеть причины смерти Седрика и публично назвав Гарри лжецом после того, как он давал показания относительно событий, случившихся на третьем этапе Турнира Трех Волшебников. Слова Дамблдора были не только

справедливы, но и замечательно вписывались в контекст законодательства, насколько мог судить об этом сам Гарри.

- Довольно, - отрезал Фадж.

Министр подал знак стороне обвинения, призвав начинать прения сторон, их главным свидетелем была ассистентка, которая дважды связывалась с Гарри ранее: Муфалда Хмелкирк. Гарри слушал, как Фадж интерпретировал ее информацию, чтобы обернуть дело против 15-летнего волшебника, задавал наводящие вопросы, чтобы выйти на факты, которые очевидно говорили о вине Гарри. Юноша внимательно слушал и смотрел, замечая ликующие взгляды, которые бросал на него Министр. Мисс Хмелкирк же, по всей видимости, ничего не имела против Гарри или Дамблдора; она просто представляла факты по делу так, как видела их сама, слегка развивая свои мысли, когда Министр или кто-то из членов Визенгамота просил ее об этом. Простые и прямые сведения: утром 2 августа Министерские устройства слежения обнаружили мощную волну магии, отследив хозяина палочки, из которой вылетело заклинание Патронус. Мисс Хопкирк начала стандартную процедуру и направила письмо в место пребывания Гарри с уведомлением о его исключении из Хогвартса и сопутствующих действиях со стороны Министерства. Тем не менее, ордер был аннулирован, когда Альбус Дамблдор прибыл в Министерство и убедил сотрудников отдела провести слушание для определения судьбы Поттера.

Эта последняя порция информации заставила Фаджа одарить Гарри противной ухмылкой, идущей сверху вниз, отчего Гарри неуютно поерзал в своем кресле.

- Мисс Хопкирк, - начал Фадж, дождавшись, когда она закончит свой отчет. - Это ведь не первый раз, когда Мистер Поттер использовал свою магию неподобающе?

- Нет, Министр. Со времени начала обучения в Хогвартсе Мистер Поттер дважды использовал магию вне стен замка.

- Вот! - прогремел Фадж. - Визенгамот может воочию видеть образец неповиновения и презрения к законам нашего мира - презрения, которое ставит всех нас под угрозу быть обнаруженными Магглами! Может ли кто-нибудь сказать что-либо в защиту Мистера Поттера?

- Министр, я думаю, Мистер Поттер нуждается в предоставлении слова для своей защиты.

Глаза-бусинки Фаджа сфокусировались на Дамблдоре, неприятная насмешка перекосила черты его лица:

- О, да - мы подходим к сути случившегося. Почитаемый Директор нашей самой выдающейся школы, который раз за разом выступает объектом обожания Мистера Поттера. Скажите Визенгамоту, Директор, почему, будучи официальным членом этого органа, вы почувствовали необходимость вмешаться в его деятельность от имени Мистера Поттера? Сможет ли его существование быть аналогично процветающим после демонстрации покровительства с вашей стороны?

Его инсинуации не остались без внимания членов Визенгамота. Гарри ловил темные, задумчивые взгляды на лицах многих членов суда. Это был настоящий удар, открыто предназначенный для демонстрации отношений между Гарри и Директором, но не имевший никакого отношения к делу. Дамблдор решительно проигнорировал этот выпад.

- Скажите, Мисс Хопкирк... - Дамблдор прервался - женщина тихо стояла, ожидая не то обращения, не то увольнения. - Как получилось, что письмо, адресованное Мистеру Поттеру, так быстро дошло до места его пребывания? Стандартная процедура предполагает, что предупреждающее письмо направляется сразу к нарушителю лишь после первого преступления, но уже второе нарушение требует детального рассмотрения до любой реакции на него.

- Дамблдор, сомневаюсь, что это...

- Но это имеет отношение к делу, Министр. В конце концов, причина этого собрания - удостовериться в том, что Мистер Поттер обладает теми же правами, что и любой другой волшебник или волшебница, а соответствующее решение по делу будет принято в соответствии с нашим законодательством. Ответьте на мой вопрос, Мисс Хмелкирк.

Ее взгляд метнулся к Министру, который, в свою очередь, смотрел на нее сузившимися глазами. Вздыхнув, она вновь посмотрела на Дамблдора и ответила:

- Министр Фадж направил записку с приказом о немедленном реагировании, если Мистер Поттер будет обнаружен за незаконным использованием магии.

- Только Мистер Поттер?

- Да, сэр.

Дамблдор поднял бровь и взглянул на Министра, которому явно стало дискомфортно. Скорее всего, он бы сердито прервал разговор, если бы Дамблдор вновь не заговорил:

- Отвечая на ваш предыдущий вопрос, Министр, я всегда действую, исходя из лучших интересов моих подопечных. И я буду делать это, чтобы обеспечить безопасность и благосостояние моих студентов. Я буду делать то же самое ради любого, кто будет так же несправедливо наказан. Думаю, вы уже поняли это, Министр.

Хоть Гарри и не понял намек, ожесточение, мелькнувшее в глазах Министра, сказало ему, что, по крайней мере, сам он все понял и теперь был крайне недоволен.

- Действительно, Дамблдор, - прорычал в ответ Фадж, чей мгновенный ответный выпад был забыт. - Вам стоит прекратить вступать в гиблые дела наподобие этого - в конечном счете, это может навредить загадочности вашей репутации. Невзирая на то, что я или кто-либо еще из

Правительства сделал бы в этом случае, факты очевидны и неопровержимы, как и наказание, которое они повлекут.

- Мистер Поттер заслуживает возможности ответа своим обвинителям, не только потому что это его право, но и из-за серьезности последствий. Вы, Министр, хотите, чтобы его осудили в ускоренном порядке без его же объяснений, или вы просто желаете увековечить ошибки прошлого и осудить очередного невинного, не признавая его прав?

Министр почти рычал:

- Отлично, Дамблдор – делайте ваше дело! Как Мистер Поттер собирается объяснить свой поступок?

- Гарри, вы бы хотели ответить?

Чувствуя всю тяжесть Визенгамота, надвигающуюся на него, Гарри, тем не менее, набрался храбрости и посмотрел Фаджу прямо в глаза:

- На нас напали Дементоры, сэр.

- Дементоры, Министр! – прогремел Дамблдор. – Мистер Поттер подвергся нападению Дементоров утром рассматриваемого нами дня. Вот причина, по которой он использовал магию.

- Дементоры? – взвизгнул Фадж. – Вы утверждаете, что студент, который только-только закончил четвертый курс, был в состоянии применить заклинание Патронуса, чтобы отогнать Дементоров? Какая нелепость!

Сидя на своем месте и спокойно наблюдая за тем, как Дамблдор защищает его, Гарри был поражен мыслями о том, что Фадж отвергал любые попытки оправдания – это было очевидно. И осознание этого заставило Поттера посмотреть в его лицо, жестко бросая туда же свои доводы:

- Я умею использовать заклинание Патронуса с третьего курса!

- Мальчик, использование чар Патронуса – уровень выше Ж.А.Б.А., который могут освоить лишь некоторые из нашего общества. Ты ждешь, чтобы мы поверили в то, что ты, пятнадцатилетний парень, можешь делать то, чего не может большинство взрослых?

- Дайте мне мою палочку и высвободите из кресла. Я покажу вам, - отрезал Гарри в ответ.

Глаза Министра сузились, но его прервали прежде, чем он успел что-либо ответить.

Коротенькая и полная женщина, носившая блузу аляповато-розового оттенка под темной мантией Визенгамота, подняла руку.

- Кхе, кхе, - она прочистила горло, прежде чем продолжила. - Я верю в то, что Мистер Поттер может академически продемонстрировать умение вызова Патронуса. Тем не менее, Дементоры находятся под контролем Министерства, а значит, не могут обитать в Литтл Уингинге.

Гарри моментально не понравилась эта ужасная женщина - она говорила приторно-сладким, сахарным голосом, в то же время жеманно ухмыляясь всем собравшимся. Он чувствовал, что это не более, чем игра.

- Вы стоите здесь, Мистер Поттер - прямо напротив Заместителя. Что вы на это ответите?

- Дементоры были там - я видел их. Миссис Фигг и мой кузен Дадли тоже там были.

- Магглы, - насмешливо выплюнул Фадж. - Удобно, не правда ли? Если учесть, что эти свидетели не могут видеть Дементоров?

- Эффект присутствия Дементоров хорошо известен, Министр, - ответил Дамблдор. - Простой допрос свидетелей установит причину, по которой они пострадали.

- Вздор! Предложенный вами допрос будет не более, чем подробностью. У нас есть доказательства от отслеживающих устройств Министерства, которые говорят о том, что Мистер Поттер использовал магию, и ничего - о том, что подтверждало бы его слова о появлении Дементоров. Почему же Дементоры оказались там, рядом с вами, Поттер, так далеко от Азкабана?

- Я не знаю, - ответил Гарри. Вызов и презрение, которое он испытывал к этому мелкому человеку, отчетливо слышались в его голосе. - Дементоры нападали на меня раньше, как вам хорошо известно. Ведь именно вы настояли на том, чтобы их впустили в Хогвартс на моем третьем курсе. Возможно, они просто сбежали, а может быть кто-то из приспешников Волан-де-Морта натравил их на меня.

Дикий оскал осветил лицо Министра, даже несмотря на то, что упоминание имени Темного Лорда вызвало волну вздохов среди гостей помещения, отзываясь среди них мелкой рябью голосов:

- А, наконец-то мы подошли к сути происходящего - настойчивой убежденности Мистера Поттера в возрождении Темного Лорда. Скажите мне, Поттер, почему вы так назойливо провозглашаете невозможные вещи? Тот-Чье-Имя-Нельзя-Называть умер четырнадцать лет назад, после того, как... Вы были там, разве нет?

Гарри сел настолько прямо, насколько позволяло его положение, и уставился на Министра:

- Я говорю о том, что он вернулся, потому что это правда.

- А я говорю вам, что это невозможно! – крикнул в ответ Фадж. – Вы считаете себя подобием Бога, способным вернуть умершего более десятилетия назад человека на нашу бrenную землю?

- Я не возвращал его, Министр. Это сделал Питер Петтигрю, использовавший темный ритуал для воскрешения бывшего хозяина.

- Питер Петтигрю! Еще один человек, который умер, когда вы были ребенком! Ваша ложь совсем не имеет границ?

- Министр, всем известно, что существует много способов прекратить чье-либо существование на земле – как и совершить обратное. Вы прекрасно знаете, что я никогда не верил в то, что Волан-де-Морт ушел, учитывая его страх смерти и особый личный интерес. И я не думаю, что моя убежденность беспочвенна – теперь он здесь, и он перевоплощен. Оставить все как есть и не предпринимать никаких действий для того, чтобы защитить ваших людей и все наше общество, – полнейшее безумие.

- И у вас все еще нет подтверждений истинности ваших претензий, кроме слов юного, тщеславного выскочки, который, похоже, вознамерился навести панику в нашем мире, – Фадж с отвращением посмотрел на Дамблдора.

- Доказательства есть – достаточно лишь посмотреть на них!

- Достаточно! – крикнул Фадж. – Я не намерен выслушивать ложь этого молодого человека и ваши попытки посеять панику в этих стенах! Мистер Поттер – избалованный, позволяющий себе слишком многое человек, который гнул вашу линию непозволительно долго, Дамблдор, и я надеюсь оборвать поток его лжи ради благополучия нашего общества, – откинувшись в кресле, Фадж ухмыльнулся Директору. – У меня другая теория относительно... опыта Мистера Поттера. Он пытается посеять страх и разлад, потому что его звезда заметно погасла с того момента, как он вернулся в наш мир – он пытается вернуть былую известность и максимально использовать это дело, называя имя нашего худшего врага. Тот-Чье-Имя-Нельзя-Называть мертв, Мистер Поттер. Вы больше не услышите лести от магического сообщества в память об инциденте, который случился, когда вы были простым ребенком!

- Если он мертв окончательно, почему вы все еще боитесь называть его по имени?

Вопрос Дамблдора повис звучным эхом над комнатой, вызвав неоднозначные взгляды в сторону Министра, в то время как остальные выглядели оскорбленными из-за того, что кто-то имеет наглость предположить, что они действительно используют настоящее имя Темного Лорда. Гарри улавливал реакции людей, стараясь запечатлеть их в памяти – это были те люди (лишь за малым исключением), которые на деле являлись безгласными последователями Волан-де-Морта, а может быть и действующими Пожирателями Смерти.

- Конечно, Министр не может бояться мертвеца, - продолжил Дамблдор, пронося легкую зыбь шума над Визенгамотом, не говоря уже о насмешках в сторону Фаджа. Директор вбил свое последнее слово как гвоздь в стену.

Наконец Фадж взял себя и свой голос в руки:

- Неважно, как вы называете его, Дамблдор, - промолвил он. - Этот мужчина мертв. Несмотря на то, что Мистер Поттер считал его воскресшим, он не мог видеть Темного Лорда. Очевидно, парень лжет.

- Я приму Веритасерум! - отчаянно крикнул Гарри.

- Что?

- Дайте мне Веритасерум - я докажу, что я говорю правду.

- Отличное предложение, Министр, - плавно вмешался Дамблдор. - Веритасерум, несомненно, докажет правдивость высказываний Мистера Поттера.

- Веритасерум - это ценное зелье, - вмешалась Амбридж со своим тошнотворным голосом, пока Фадж медлил. - Мы не можем использовать его по первому требованию - не тот случай, Мистер Поттер.

- Наоборот, - вмешался, было, Дамблдор, но был прерван пришедшим в ярость Фаджем.

- Что за бред! Мы больше не собираемся это слушать. Настало время обсудить и определить результаты судопроизводства.

Гарри до сих пор не понимал, каким будет исход дела - Дамблдор буквально завалил Визенгамот прямыми, очевидными фактами, но будет ли этого достаточно? Гарри внимательно посмотрел на Директора в ужасающем ожидании результатов, когда услышал громкий, сильный голос из галереи.

К этому времени Жан-Себастьян услышал достаточно - Министр был намерен раздраженно следовать своей позиции и совершенно ясно не был заинтересован в получении правды. Настало время погасить доверие Сириуса к этому человеку и бросить кубик, который изменит жизнь его семьи.

- Довольно, Министр!

Игнорируя появившееся на лице Британского Министра изумление, Жан-Себастьян поднялся

со своего места и перепрыгнул через бортик, отделявший зрительскую галерею от остального амфитеатра. Он быстро шагнул по лестнице и потом направился к ненавистному креслу, в котором сидел и внимательно смотрел на него парень, которому мужчина собирался помочь. Черты его лица захватил шок, перемешанный с надеждой.

Пройдя на середину комнаты, Жан-Себастьян хмуро осмотрел кресло, которое пленило Гарри, и взмахнул запястьем, освобождая Поттера от оков. Гарри неуверенно взглянул на своего благодетеля, автоматически улыбаясь в ответ на приветственную улыбку Жана-Себастьяна.

- Встань и посмотри на своих обвинителей, Гарри. Это кресло было изготовлено для того, чтобы убивать свободную волю и достоинство человека, сидящего в нем. И я не дам тебе провести в нем ни минуты больше.

У Жана-Себастьяна было достаточно времени, чтобы обменяться взглядами с Директором до того, как Фадж придет в себя. В зале суда раздался его голос:

- Посол! Что все это значит?

Глядя на близкого к апоплексическому удару Министра, Жан-Себастьян помог ошеломленному Гарри подняться, а затем повернулся к его обвинителям:

- Это слушание – чистый фарс, Министр. Я не позволю продолжать вам это символическое убийство, эту... инсценировку суда. Вы не заинтересованы в том, чтобы узнать истинную причину проступка Гарри, всего лишь отрицая все то, что выносятся на повестку дня, с вашим разрушительным и узконаправленным Чистокровным фанатизмом. Этот молодой человек не будет принесен в жертву продвижению вашей карьеры.

- Да как вы смеете! По какому праву вы прерываете нашу процедуру?

- По праву представителя Международной Конфедерации Магов!

Его заявление, по всей видимости, застало Фаджа врасплох. Язык Корнелиуса словно прилип к небу, позволяя Жану-Себастьяну продолжить нападение.

- По инициативе Верховного Председателя, - он кивнул в сторону Дамблдора, - сегодня утром было проведено экстренное заседание Конфедерации. С подавляющим большинством голосов на заседании было решено поддержать действия Гарри Поттера, не только во время атаки на него и его кузена, но и во время недавно завершившегося турнира.

- И какие полномочия имеет Международная Конфедерация Магов здесь, в Англии? - усмехнулся в ответ Фадж.

Но, хоть Министр и старался казаться уверенным и подготовленным к новостям, Жан-

Себастьян мог поклясться, что в его словах было меньше силы, а его манера общения стала менее крепкой и напористой. Поддержка и рекомендации МКМ имели немалое значение, даже для самых мощных и властных – попадание в немилость международного органа несло определенный политический и персональный риск, что признавали многие.

- Разумеется, никаких легальных полномочий, - ответил Жан-Себастьян, постепенно всаживая нож своими словами. - Мой дорогой Министр Фадж, вам следует изучать международный закон, если вы в нем заинтересованы.

Его насмешка не осталась незамеченной, и Фадж нахмурился в ответ. Члены Визенгамота реагировали по-разному: некоторые вставали в открытую оппозицию, которая легко читалась по ухмылкам на лицах, в то время как остальные, по всей видимости, придерживались иных взглядов, понимая и возможно даже сочувствуя своему Министру.

- Международная конфедерация не может прямо вмешиваться в дело, которое, видимо, касается лично самого Британского главы, - продолжил он, уверенный в том, что Министр и весь его Визенгамот поняли весь смысл его фразы. - Тем не менее, юный Мистер Поттер – персона, интересная всему мировому волшебному сообществу не только из-за выживания после атаки одного из самых ужасных темных волшебников в истории, но и из-за Турнира Трех Волшебников, не говоря уже об остальных его подвигах. Мистер Поттер, кажется, ваши приключения принесли вам немало славы и известности за границей Англии – славы, намного больше той, которую вы приобрели, подвергшись нападению много лет назад. Предложения политического убежища поступили к вам из многих стран, включая мою.

Жан-Себастьян чуть не засмеялся при виде непонимания и растерянности Гарри – было похоже на то, что он единственный человек, который не может оценить степень своей известности. Решив внимательно проследить за обучением Гарри, – складывалось впечатление, что он не до конца понимает, что происходит: при первом же удобном случае ему необходимо растолковать не только законы мира волшебников, но и то, как они работают, - Жан-Себастьян вновь вернулся к Фаджу, с любопытством наблюдая за тем, как отреагирует Министр на непредвиденные обстоятельства по делу, которое казалось предрешенным еще утром.

Фадж свирепо уставился на обвиняемого, вне всякого сомнения пытаясь определить, как повернуть дело в запланированное русло. Жан-Себастьян упрямо смотрел на Министра, передав в своем взгляде всю неприязнь и отвращения, скопившиеся внутри него. Глаза Фаджа сузились в ответ – было понятно, что внутренне он не примирился (хотя внутренне он не исключал вероятности безрезультатного препирательства) с главным врагом этого дня. Все, что Жан-Себастьян слышал о Гарри и нездоровом интересе Темного Лорда к мальчику, говорило ему о том, что игра стоит свеч. Гарри Поттер будет лидером в битве против Волан-де-Морта – это на сто процентов точно.

- Конфедерация не имеет значения, - произнес Фадж, совершая последний рывок, чтобы спасти свое дело. - Мистер Поттер нарушил закон – хочу отметить, международный закон – и мы просто обязаны держать жизнь нашего сообщества в тайне.

- Попросите ваших Авроров подготовить Веритасерум – совершил ответный выпад Жан-

Себастьян. – Мистер Поттер уже согласился на его использование.

- Использование Веритасерума... - подала голос все та же маленькая, толстая дама в розовом.

- ... допустимо к применению во всех слушаниях, чтобы доказать невиновность обвиняемых, ровно с тех пор, как Визенгамот начал применять это зелье. В действительности, Мадам, я думаю, что, как член этого величественного органа, вы должны в полной мере понимать законы вашего государства.

Она заметно ошетибилась в ответ на его комментарий, заставив Жана-Себастьяна задуматься над тем, почему она настолько непреклонна в поддержке Фаджа по этому делу. Надо будет изучить этот вопрос.

- Причина все еще ясна! – ее визгливый сладкий голос пронзительно вклинился в головы. – Статут был нарушен, и Мистер Поттер в этом признался.

- Позвольте, - Дамблдор вмешался впервые с тех пор, как начал говорить Жан-Себастьян. – В статуте упоминается словосочетание «разумное использование». Разумеется, попытка оградить себя от Дементоров будет рассмотрена как оправдание любого благонамеренного волшебника или волшебницы. Использование Веритасерума подтвердит присутствие Дементоров в Литтл Уингинге в то утро.

- Если он в тот момент не бредил! – отрезал Фадж, снова обретая голос.

- Нам также потребуются свидетельства очевидцев, - с апломбом отвел на его выпад Дамблдор.
- Если, конечно, они все не бредили по необъяснимой причине.

Его сарказм не остался безответным. Жан-Себастьян почти видел, как волна мнений поворачивается против Министра, и решил, что пора прекращать эти бесполезные дебаты.

- Министр, все, что мне довелось услышать этим утром, почти убедило меня в том, что вы имеете личный зуб на этого молодого человека, хотя я должен признаться, что так и не понял оснований ваших действий. Я лишь однажды говорил с Мистером Поттером, но могу сказать, что он производит впечатление хорошего, светлого парня, который попадает в тяжелые жизненные ситуации далеко не по своей вине. Учитывая его статус героя Британских волшебников, вы действительно хотите опуститься в глазах избирателей как Министр, который навсегда изгнал героя из Англии? Вы думаете, ваше население так быстро забудет Гарри? Сможет ли Английское магическое сообщество сказать им об истинной причине ухода Мистера Поттера?

Это высказывание привлекло особое внимание Фаджа и всего Визенгамота. Жану-Себастьяну было известно, что Фадж может изобразить Гарри в любом свете, в котором пожелает, и это будет сходить ему с рук, пока он контролирует поток информации и тем самым держит мнение общества в кулаке. Сейчас, когда его аргументы разрушены, а его предвзятость и личная обида

на мальчика были почти доказаны после всех этих выступлений, – за которыми следили во всех уголках страны по Британскому Волшебному Радио, насколько мог судить Жан-Себастьян – продолжение гонения и наказание Мальчика-Который-Выжил может повлечь политическое самоубийство Фаджа.

- О, я вижу, что все-таки завладел вашим вниманием, - усмешка Жана-Себастьяна была практически хищной. – Но как бы то ни было, я больше не позволю вам использовать Гарри Поттера.

Выражения путаницы и недоумения, отразившиеся на лицах собравшихся, могли бы показаться смешными, если бы Жан-Себастьян не был убийственно серьезным.

- По причине того, что Английское магическое сообщество не может позаботиться о благосостоянии Мистера Поттера, боюсь, я должен принять меры для того, чтобы эта ситуация впредь никогда не повторилась. Недавно мне стало известно о существовании документа, подписанного моим отцом и дедушкой Мистера Поттера более, чем пятьдесят лет назад, – документа, который позволит мне быть немного полезным юному волшебнику. С согласия его опекуна, по древним законам магии, я заключаю брачный контракт между Мистером Поттером и своей старшей дочерью. Да будет так, как я сказал!

<http://tl.rulate.ru/book/50520/1263402>